

При знакомстве со всяким новым литературным произведением у читателя возникает вопрос: «А зачем это нужно читать?» Ответа может быть два: «это полезно» и «это приятно» читателю. Первый ответ — ответ с точки зрения содержания, второй — с точки зрения формы. Оба способа обоснования я нахожу вполне удовлетворительными.

Философ Михаил Лифшиц утверждал, что первую, самую низкую ступень вкуса «образует наивный реализм простого человека, который интересуется искусством, поскольку оно похоже на жизнь, требует умения, занимает ум и создаёт приятные эмоции. Это сознание воскресного посетителя художественной галереи». Я не требую от современных авторов слишком многого. Если меня порадуют хотя бы на этом низшем уровне, я скажу писателям спасибо.

А уж если окажется, что произведение и полезно, и приятно сразу, то тут уж читательской радости не будет предела.

Этот вопрос я постоянно задавал себе при изучении прозы литературного журнала «Сибирские огни» за 2019 год. Скажу честно: некоторые вещи я пропустил, и, возможно, именно в них заключалось нечто такое, что перевернуло бы мой взгляд на современную литературу. Но пока то, что я прочёл, не поколебало моего мнения: современные писатели крайне редко задаются вопросом, зачем и для кого они пишут.

Наиболее интересными мне показались рассказ «Афей» Михаила Рантовича (июньский выпуск), рассказы «Ирис» и «Лапочка» Татьяны Сапрыкиной (июльский выпуск) и «Сибирские бывальщины» Бориса Проталина (декабрьский выпуск).

Признаки нашего времени

Рантович описывает довольно заурядную ситуацию: с героем выходит на связь его бывшая одноклассница, которая пытается вовлечь его в некое индуистское религиозное сообщество и заодно совершить с ним адюльтер. Оба плана проваливаются.

Зачем же это читать? Ради подробностей. Автор очень хорошо воспроизводит признаки нашего времени. Например, общение героев начинается

в социальной сети. В то время как большинство современных писателей упорно игнорируют Интернет в своём творчестве, Рантович неплохо описывает механику и психологию общения в виртуальной реальности.

Автор касается денежных проблем: возникает неловкая ситуация, когда наступает время оплачивать счёт в кафе, герою также стыдно признаться, что ему не по карману поездка в другой город и так далее. Весьма живо и убедительно описывается встреча с гопниками, в которой персонаж оказался не на высоте. Всё это написано убедительно, без какой-либо фальши.

В результате вырисовывается картина скучного и душного мира, из которого действительно хочется сбежать в секту или в сомнительные сексуальные приключения. Правда, оба пути оказываются тупиковыми: собрание секты и попытка соблазнения описаны с убийственной иронией.

«Она поймала мою руку. Я должен обещать, что приеду, перееду. Перееду? Трудно мне тут будет найти работу. Она убеждённо сказала, что найду, и теперь напирала мягкой грудью. Я освободил руку. Мне нужно в туалет.

Не сразу удалось спустить воду в унитазе, и уже в ванной, когда я умывался холодной водой и отражался в зеркале среди чуждого голубого кафеля, было забавно думать о людях, которые с рвением и остервенением обустривают духовную жизнь, но при этом годами терпят своенравие сливного механизма унитаза».

К счастью, автор не пересаливает с безнадёгой: он пытается посмотреть на окружающую действительность с улыбкой. И, повторюсь, главная ценность рассказа не в выводах, а в деталях, во внимательном и честном отношении к окружающей действительности.

Никем и ничем не одержима

Рассказы Татьяны Сапрыкиной «Ирис» и «Лапочка» демонстрируют явный перекося в сторону формы. С содержательной стороны в них почти ничего нет. По содержанию они очень напоминают гляцевый журнал или женский инстаграм-аккаунт: верандочки, прянички, загородная жизнь, цветочки, — автор так подбирает материал, чтобы

нам не подалось ничего «прозаического», ничего такого, что нельзя было бы «запостить» в гламурном блоге.

Собственно, начинаются рассказы с довольно откровенного признания: «Не помню, чтобы я была когда-нибудь кем-то одержима. Мир представлялся мне структурой вялой, слепленной из чего-то вязкого, вроде смородинового варенья в банке, перемещающегося туда-сюда, если эту банку потрясти. Я выпивала людей и события потихоньку, как густой сок с мякотью. И не было в этом ни страсти, ни боли, ни огня».

Вот и в рассказах присутствует эта «вялость» и нет «ни страсти, ни боли, ни огня». Автор бежит от реальности в цветистые фантазии. Но зато по крайней мере старается эти цветистые фантазии поярче и повычурнее описать. В рассказах присутствует работа над слогом, Татьяна Сапрыкина действительно старается сделать чтение своих произведений приятным, то есть проявляет заботу об аудитории.

Она не претендует на интеллектуальную глубину, актуальность темы, но стремится к оригинальности, хотя бы и чисто формальной.

«Такая держава» и прочее

Иное в небольших зарисовках Бориса Проталина «Сибирские бывальщины». Они имеют достоинство этнографического материала, личного свидетельства о сельской жизни двадцатого века. Автор по большей части концентрируется на описании курьёзных случаев, так что его бывальщины приобретают характер анекдота и дают крайне мало пищи для размышлений о судьбе русской деревни.

Не дотягивает до серьёзного обобщения и приведенное воздыхание старика Владимира Ивановича Бобровского: «Хреновый был царь Николашка. Просвистал такую державу!.. Да при нём всё — от гвоздика до косилки-самоотвалки — купить бы я мог. А рыба красная!»

Надо бы автору как-то отнестись к приводимым словам и фактам, сделать какие-то выводы: все ли селяне разделяли взгляды старика на «Николашку» и его державу? Ну да ладно. По сравнению с иными творениями и это прекрасно смотрится.

Есть, конечно, в журнале и куда менее удачные и интересные вещи, о них долго говорить ни к чему. Например, после чтения рассказа Геннадия Бакшуева «Убить время» (сентябрьский выпуск) хочется убить самого автора или пойти принять душ: кому приятно знакомиться с порнографическими фантазиями дряхлеющего мужчины?

Рассказ Марии Стародубцевой «Гадалка» (августовский выпуск) написан из рук вон плохо (как редакция пропустила стилевые неряшливости вроде «оклеенный клеёнкой»?), в плане содержания же представляет типичную мечту обывателя

об обретении суперспособностей. Увы, эта мечта изначально папахивает презрением к людям.

Лень и зона против вселенского добра

Несколько подробнее следует высказаться про рассказ Юрия Виськина «Автиан», хотя бы потому, что он довольно длинный и занимает львиную долю в разделе прозы ноябрьского выпуска журнала. Автор пытается вдохнуть новую жизнь в архетипический сюжет о раскаявшемся грешнике. Собственно, параллель с житием заявлена в самом начале.

В детстве рассказчик прочитал книжку про святого и проникает историей о том, как в жизни разбойника произошёл «внутренний перелом, который высветлил его душу до кристальной чистоты». А потом встретил такого человека в своей жизни.

Итак, заявленная схема довольно прозрачна: сперва нам должны предъявить грешника, а потом праведника «кристальной чистоты» и как-то обособить переход одного в другое. Задача непростая, потому что жизнь мало похожа на библейские легенды, в ней редко встречаются абсолютно плохие и безусловно хорошие люди. Но, судя по рассуждениям автора, сам он верит в абсолютное абстрактное зло и в абсолютное добро.

Рассмотрим первый элемент. Как изображает нам автор абсолютного грешника? Рассказчик встречает его в советское время на зоне, куда рассказчик устроился работать технологом механического цеха.

Заключённый Петров отлынивает от работы, презрительно относится к администрации зоны, нарушает распорядок. Да и на зону он регулярно попадает из-за того, что не желает работать и постоянно ввязывается в глупые криминальные истории: то подерётся, то совершит какую-нибудь нелепую кражу. Вот оно, зло: безделье и неуважение к начальству.

Спустя много лет, уже в наши «демократические» времена, рассказчик снова встречает Петрова, но уже в роли праведника. Что значит праведник по Виськину? Теперь Петров — человек работающий и исполнительный, свято чтит своего начальника, бизнесмена Антонова, а также занимается благотворительностью. То есть, ой, благотворительностью занимается не сам Петров, а его начальник, а Петров лишь завозит его подарки в социально-реабилитационный центр. Да, ещё Петров очень чтит церковь. Даже не религию, а саму церковь, поскольку о вере он почти не заикается, но зато охотно общается со священниками, передаёт им деньги.

Осталось рассмотреть последний элемент — причину преобразования Петрова из стихийного анархиста в исполнительного работника. Интересно, что этот перелом приходится на перестроечные времена, и связан он со знакомством

Петрова с добрым и безответным интеллигентом Скоромниковым.

Скоромников и его жена — люди очень начитанные и воспитанные, у них много книг. Они учат Петрова тому, что «делать людям приятное — большое удовольствие» и что «всегда предпочтительней делать всё в пользу добра». Какого добра? Что такое добро? Об этом автор скромно умалчивает, то есть суть возвышенного учения Скоромниковых остаётся в тумане.

«И всё бы шло хорошо у Петрова, если бы не перестроечные перемены в стране, вызвавшие вслед за порывом свежего ветра надежды шквал разочарования и гнева с протестными акциями, в которых очень неосмотрительно и совершенно напрасно, как считал Петров, взялся участвовать Скоромников».

Опять же, в каких именно акциях и с какими лозунгами выступал Скоромников — об этом автор молчит, как партизан на допросе. Ведь лозунгов в то время было море: призывал ли Скоромников к возвращению Романовых на престол или к «истинному воплощению ленинских заветов», жаждал «перейти поскорее к рынку» или требовал «больше социализма»?

Короче, во время разгона одной из акций (опять же, кто разогнал-то — ещё горбачёвские милиционеры или уже ельцинские спецназовцы?) Скоромникова зашибли, и Петров, чтобы собрать денег на операцию (а что, медицина в стране уже тогда стала платной, или автор что-то путает?), идёт «на дело» и снова попадает в тюрьму. На нарах Петров мучается тем, что надо было не воровать, а взять кредит: «Всё было бы как надо — он бы не торчал сейчас в камере, а Тимофеич был бы жив!»

Вот такая интересная схема получается: переход от зла, интересного на советское время, к добру, воплощённому в церкви, благотельных предпринимателях и банковских кредитах, происходит благодаря перестроечным ораторам. Ну что же, идея вполне удобная, за такую можно и премию получить от какого-нибудь благотворительного фонда, организованного благотельным предпринимателем.

Поцелуй фашиста

Но сильнее всего взволновал меня и одновременно продемонстрировал мне особенности «Сибирских огней» рассказ Оксаны Велловской «В упор не промахнёшься» из октябрьского номера журнала.

Главная героиня рассказа, Лика, ухаживает за престарелой и полусумасшедшей бабушкой. Бабушка была снайпером в Великую Отечественную. И вот на её имя приходит письмо из Цюриха от некоего Кристофа Венцеля с просьбой «пощадить и простить его». Бабка на это имя никак не реагирует, Лика вступает в электронную переписку с внуком Кристофа — тоже Кристофом.

Тут возникает некая натяжка, потому что по электронной переписке у Лики с Кристофом завязываются крайне тёплые, можно сказать — интимные, отношения, что в ситуации виртуального общения маловероятно; впрочем, не это главное.

Выясняется, что Кристоф Венцель-старший во Вторую мировую тоже был снайпером, и у него с бабушкой Лики, тогда «грудастой деревенской девчонкой», возникает своеобразный поединок. Венцель проникается уважением к сопернице и даже вытаскивает её из болота, потому что «карший снайпер не должен так умирать». В общем, проявляет благородство. Он же фашист — они там все такие благородные рыцари.

Потом у них, естественно, вспыхивает любовь и даже секс: «Вдруг он сжал её голову в грязных ладонях и принялся целовать. Это было настолько безумно, настолько чудовищно — и так искренне, так незащитно, каждое прикосновение к губам — будто к открытой ране, что Нора зашлась слезами; никогда бы в жизни она не подумала, что способна так плакать. Её раньше никто не целовал. Её и потом, за всю вековую жизнь, никто так не целовал».

Да уж, никогда советской снайперше не было так хорошо, как под нацистом. Надо было, наверное, не перестреливаться с фашистами, а сразу ложиться и получать удовольствие...

Выяснив всю эту историю, Лика произносит патетическую фразу: «Наверное, я — мы — не имеем права осуждать. Не мы прошли через всё это. Но у нас есть право прощать. Честно — я бы его простила».

Ничего не напоминает? Да ведь это практически речь Коли из Уренгоя, который в бундестаге признался в сочувствии к солдатам гитлеровского вермахта! Понять... простить... простого фашиста, который «чисто случайно» дошёл до Сталинграда, по дороге сжигая деревни вместе с детьми, стариками и женщинами. А ещё что напоминает? Конечно, нашумевший номер пары фигуристов, также изображавший вспыхнувшую любовь между гитлеровским солдатом-оккупантом и девушкой с захваченной территории.

Образ «благородного фашиста» давно и настойчиво внедряется в сознание россиян. Можно вспомнить и свежий фильм «Т-34» — там тоже война изображается как благородный, почти спортивный поединок между двумя асами-танкистами. Однако такое убийственное упрощение недопустимо. Ведь Великая Отечественная война была геноцидом с одной стороны и отчаянной борьбой за выживание и спасение жизней миллионов людей — с другой. Нельзя забывать и о том, что Вторая мировая была также войной идеологий.

В большинстве исторических книг легко прочесть, что «крайне реакционной, националистической и шовинистической была идеология фашизма. На первом месте в комплексе фашистских идей

находился расизм, согласно которому германская нация рассматривалась как единственная высшая, „Богом избранная“, и потому ей якобы должно принадлежать мировое господство»¹.

При этом стоит отметить, что вина рядовых гитлеровцев как раз и заключалась в том, что подавляющее большинство из них поверило демагогическим лозунгам, согласилось считать себя «расой господ» и позволило толкнуть себя на путь завоевания и порабощения других стран. А наш «герой» далеко не рядовой, а убеждённый боец-снайпер.

«Составной частью фашистской идеологии было также проявление грубой силы, являющейся якобы главным фактором общественного прогресса и всего развития человечества»².

Теперь нам это всё преподносят как чисто спортивное состязание в ловкости, после которого возможен и дружеский секс... А расстрелы, а казни, а голод, блокады, бомбёжки, лагеря смерти? Разве наше поколение проходило через всё это? Стало быть, мы не имеем права и прощать.

И ведь Ветловская знала, не могла не знать, как реагирует российское общество на все эти попытки реабилитировать фашизм — всплеском справедливого возмущения.

Выходит, что творческим людям регулярно посылают два типа сигналов: Минкульт раз за разом демонстрирует благосклонность к «примиренческой» риторике, а общество раз за разом на эти попытки отзывается с негодованием. Чем обусловлены сигналы первого типа? Тем, что кое-кому хочется делать бизнес с «белыми господами» из Европы, а Европа тем временем активно фашизируется. Стало быть, чтобы облегчить взаимодействие с Европой, необходимо устранить некоторые идеологические препятствия...

Стоит отметить, что рассказ Ветловской заканчивается намёком на грядущий брак Лики с Кристофом Венцелем-младшим. Тогда всё ясно: если мечтаешь выскочить замуж за внука нацистского снайпера и укатить с ним в Цюрих, придётся многое простить и забыть.

Литературные перебежчики

Почему редакция «Сибирских огней» публикует такое? Очень может быть, что других подобных рассказов на страницах журнала нет. В таком случае редакции стоило бы извиниться перед читателями: зачем же марать себя перед россиянами, деды и прадеды которых сражались с нацистской заразой? А ещё лучше опубликовать что-нибудь открыто антифашистское, произведение, расставляющее все точки над «i», объясняющее, в чём заключается античеловеческая сущность фашизма и какова мера вины всех участников нацистской агрессии.

Почему редакция этого не делает? Тут мы подходим к важной проблеме современной литературы и одновременно возвращаемся к вопросу, поставленному в самом начале обзора (зачем это читать?). Современный литературный журнал зачастую оторван от аудитории и не зависит от неё. Подписчиков может быть хоть ноль — экземпляры разойдутся по авторам и их знакомым.

Журнал же существует не за счёт продаж, как это было в золотую эпоху «Современника» и «Отечественных записок», а, как правило, на различные гранты. Эти гранты получают либо через разнообразные негосударственные фонды, либо через чиновников. Поэтому мнением читателей журнал может смело пренебречь, главное — как-то понравиться спонсорам. А спонсор спонсору рознь: уровень культуры и представления о патриотизме у них могут быть абсолютно разные.

.....
1. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Военное издательство, 1985. С. 18.

2. Там же.